

Белов С. В.

Б43 Федор Михайлович Достоевский: Кн. для учителя.—
М.: Просвещение, 1990.— 207 с., 0,25 л. ил —
ISBN 5-09-001937-1.

Автор повествует о жизненном пути великого писателя, раскрывает его творческую и духовную эволюцию на материале художественного творчества, воспоминаний, дневников, эпистолярного наследия. Достоевский показан во всей сложности его отношений с представителями различных общественных сил России, писателями, близкими людьми. Книга поможет учителю не только яснее представить жизненный путь писателя, но и глубже понять его художественные произведения

— 4306010000—721
103(03)-90

ББК 83.3Р1

ISBN 5-09-001937-1

© Белов С. В., 1990

Сразу же после знакомства с Достоевским Врангель стал помогать ему со всем пылом своего «благородного сердца». Он познакомил рядового Достоевского с военным губернатором П. М Спиридоновым, и с этого момента ссыльного писателя стали принимать в домах именитых граждан Семипалатинска. (Правда, люди высокой культуры чаще встречались среди приезжих: кроме Чокана Валиханова, это был, например, географ П. П. Семенов, с которым Достоевский познакомился еще в Петербурге,— впоследствии знаменитый П. П. Семенов-Тян-Шанский, или художник П. Кошаров, сопровождавший экспедицию П. П. Семенова.)

Через несколько месяцев после приезда в Семипалатинск Достоевский знакомится с бедным таможенным чиновником Александром Ивановичем Исаевым и его женой

Марией Дмитриевной (урожденной Констант, по деду француженкой) и страстно влюбляется в нее.

Еще перед отъездом в Семипалатинск Достоевский писал жене декабриста Наталье Дмитриевне Фонвизиной, четыре года назад благословившей его в новый путь: «Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени, должно случиться что-нибудь очень решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае неизбежное».

Пророческое предчувствие перелома в судьбе не обмануло Достоевского. В 1854 году Марии Дмитриевне Исаевой было двадцать девять лет. «Довольно красивая блондинка среднего роста», — вспоминает семипалатинский друг Достоевского Александр Егорович Врангель, — очень худощавая, натура страстная и экзальтированная... Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна»⁵⁵.

Судьба ее была глубоко несчастна. Дочь начальника астраханского карантинса, учившаяся в пансионе и танцевавшая «с шалью» на дворянских балах (почетная привилегия особо отличившихся воспитанниц закрытых учебных заведений: в «Преступлении и наказании» «при выпуске с шалью танцевала» Катерина Ивановна Мармеладова, в образе которой нашли отражение многие черты характера Марии Дмитриевны Исаевой), вышла замуж, как оказалось, за довольно слабовольного человека — Александра Ивановича Исаева. Потеряв службу и оставшись без места и без всяких средств к существованию, он горько запил и вскоре совсем опустился.

Пьяница муж, постоянная бедность, убогая провинциальная беспросветная жизнь — такова была жалкая судьба пылкой мечтательницы. И вдруг в этом «темном царстве» появился «луч света» — рядовой Сибирского 7-го линейного батальона Федор Достоевский. Он, конечно, «человек без будущего», так как попал в политическую историю и на всегда останется рядовым, но ведь он писатель, а среди ее знакомых никогда не было ни одного из этого сословия; к тому же человек несомненно интересный и талантливый, а главное, смотрит на нее влюбленными глазами.

Она приблизила к себе Достоевского, хотя далеко не всегда отвечала ему взаимностью, считая его «человеком без будущего». А писателя целиком захватила эта первая большая любовь, тем более что и внешний вид Марии

Дмитриевны — хрупкий и болезненный, — какая-то душевная беззащитность вызывали в нем постоянное желание помочь ей, оберегать ее, как ребенка. К тому же она приняла в нем сердечное участие, ввела в свой дом, вместе с Врангелем помогла ему найти путь в местное общество. Все это не могло не вызвать в рядовом Достоевском глубокой благодарности, привязанности и беспредельной преданности.

Но главное, она была несчастна, она мучилась, а еще на каторге, сам бесконечно страдая, он все четыре каторжных года думал о том, что такое страдания, какова их роль в жизни и судьбе человека. Страдания, по мысли Достоевского, дают человеку ключ к сочувственному пониманию чужих несчастий, чужого горя, делают его нравственно более чутким. Вот почему мучения Марии Дмитриевны привлекли внимание Достоевского как писателя и вызвали в нем как в человеке немедленное желание помочь любимой женщине. А любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой и всем сердцем, всей душой откликаться на муки любимого человека, даже если бы для этого пришлось самому страдать и мучиться.

Но ведь и судьба самого Достоевского была трагична, и это взаимное сострадание друг к другу и послужило, вероятно, причиной того, что отношения рядового Сибирского 7-го линейного батальона с супружкой спившегося чиновника Исаева приняли, если можно так сказать, какой-то неправильный характер: иногда сострадание принималось за любовь, а любовь за сострадание, а чаще всего они так неразрывно переплетались вместе, что невозможно было отличить одно от другого.

И вдруг катастрофа: в мае 1855 года Исаев получил место в Кузнецке, за шестьсот верст от Семипалатинска, и Достоевскому пришлось расстаться с Марией Дмитриевной, и это как раз в те дни, когда он поверил в ее взаимное чувство. Отчаяние Федора Михайловича было беспредельно, он ходил как помешанный.

«Сцену разлуки я никогда не забуду, — вспоминает Александр Егорович Врангель, — Достоевский рыдал на взрыд, как ребенок... Тронулся экипаж, ...вот уже сле виднеется повозка..., а Достоевский все стоит, как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам... Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень...»⁵⁶.

По словам Врангеля, Достоевский был в восторге от Исаевой, все повторял, какая она замечательная, и удивлялся, что такая женщина ответила на его любовь. «Судя

по тому, как мне тяжело без вас.— пишет Достоевский Марии Дмитриевне чуть ли не на другой день после ее отъезда,... я сужу о силе моей привязанности... Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за вас в ужаснейшем страхе... Боже мой! Да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти дрязги, вас, которая может служить украшением всякого общества!.. Вы же удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мне как родная сестра... Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта... Я все это нашел в вас...»

В августе 1855 года Достоевский получил от Марии Дмитриевны извещение о смерти ее мужа. Она оказалась в критическом положении: одна, без средств, в незнакомом сибирском Кузнецке, без родных и знакомых, с маленьkim сыном на руках. Но Достоевский мог больше не скрывать своей любви, и он тотчас же предложил Марии Дмитриевне выйти за него замуж. Им руководили одновременно и желание спасти ее от нищеты, и чувство горячей любви, и стремление к браку (Достоевскому шел тридцать четвертый год).

Но Мария Дмитриевна в ответ на пылкие письма возлюбленного, настаивавшего на немедленном ее согласии на брак с ним, отвечала, что не знает, как ей поступить. Достоевский сознавал, что основной препятствием к «устройству нашей судьбы», как она называла его предложение о браке, было его довольно жалкое социальное положение рядового, лишенного дворянства, бывшего каторжника.

Однако после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II появилась надежда на улучшение участия бывших петрашевцев. 20 ноября 1855 года Достоевского произвели в унтер-офицеры. Это так окрылило его, что в начале 1856 года он сообщил брату о своем намерении жениться: «Мое решение принято, и хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню... Мне без того, что теперь для меня главное в жизни, не надо будет и самой жизни...»

Но из Кузнецка приходят тревожные вести: Мария Дмитриевна грустит, отчаивается, больна поминутно, окружена кумушками, которые сватают ей женихов. Достоевский любил со всей страстью поздней первой любви и вдруг получил «громовое известие», как писал он Врангелю 23 марта 1856 года: Мария Дмитриевна получила предложение от «человека пожилого, с добрыми качествами, служащего и обеспеченного» и просит у него совета, как ей поступить, «прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен, как громом, я за-

шатался, упал в обморок и проплакал всю ночь... Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее моим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее».

Все письма к Врангелю этого периода, полные жалоб, сомнений, просьб, дышат страстью и отчаянием: «Я погибну, если потеряю своего ангела; или с ума сойду, или в Иртыш!» Однако переписка с самой Марийей Дмитриевной принимает все более напряженный характер. Она все чаще упоминает о местном учителе начальной школы, друге покойного мужа Николае Борисовиче Вергунове, довольно красивом молодом человеке двадцати четырех лет.

Достоевский решается на отчаянный поступок. Получив служебную командировку в Барнаул, он тайно уехал из Барнаула в Кузнецк. Но вместо радостной встречи с любимой женщиной он попадает в ситуацию, уже описанную им в ранней повести «Белые ночи» и предваряющую ситуацию его будущего романа «Униженные и оскорбленные». Мария Дмитриевна бросилась Достоевскому на шею и, плача, цепляя его руки, призналась, что полюбила Николая Борисовича Вергунова и собирается выйти за него замуж.

Достоевский молча выслушал ее признание, а затем, скрывая собственную страсть, начал обсуждать рационально возможный брак своей возлюбленной с учителем Вергуновым, который был еще беднее его самого, но зато имел два бесспорных преимущества перед ним: был молод и красив.

Мария Дмитриевна настаивает на встрече Достоевского со своим соперником. Во время этой встречи Вергунов плачет на груди у Достоевского («С ним я сошелся, он плакал у меня, но он только и умеет плакать!» — вспоминал писатель), сам Достоевский рыдает у ног своей возлюбленной, а Мария Дмитриевна в слезах примиряет соперников. Действительность как бы предваряет вымысел многих произведений Достоевского, и прежде всего романа «Униженные и оскорбленные».

И вдруг отвергнутый Достоевский, как и Мечтатель в «Белых ночах», как и Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных», решил принести в жертву собственную любовь ради нового чувства Марии Дмитриевны (ведь любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой) и не мешать своему счастливому сопернику.

И тут, совершенно неожиданно для Достоевского, произошел психологический поворот. Мария Дмитриевна была настолько потрясена тем, что он не только ни разу ни в чем не упрекнул ее, а еще и заботился о ее будущем (точь-вточь как Наташа в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу: «Добрый, честный ты человек! И ни слова-то о себе! Я же тебя оставила первая, а ты все прощил, только о моем счастьи и думашь»), что в ней снова всколыхнулись жалость и нежность к Достоевскому, сострадание к его преданной любви. «Она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне,— писал Федор Михайлович Врангель об этом психологическом повороте Марии Дмитриевны.— ...Она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено: ты и я, и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимое! К концу второго дня я уехал с [полной] надеждой...»

Но не успел Достоевский возвратиться в Семипалатинск, как Мария Дмитриевна написала ему, что «тоскует, плачет» и любит Вергунова больше, чем его. Достоевский снова «как помешанный в полном смысле слова», но это не мешает ему жертвовать собой ради счастья любимой женщины, победив ревность и горечь: он хлопочет о пособии Марии Дмитриевне за службу мужа, ходатайствует об определении ее сына в кадетский корпус, беспокоится об устройстве Вергунова на лучшее место.

В это трагическое время, когда Достоевский уже считал Марию Дмитриевну потерянной для себя навсегда, в нем снова загорелась надежда. 1 октября 1856 года он был произведен в офицеры, теперь уже он реально стал надеяться на возвращение в Петербург, на возможность снова печататься и заниматься любимым делом — литературным трудом. (Еще создавая свое первое произведение «Бедные люди», он понял, что без творчества больше не мыслит своего существования, что отныне литература станет его жизненным делом и трагической судьбой.)

Трудно сказать с уверенностью, под влиянием ли этих новых обстоятельств или по изменчивости своего характера, а скорее всего просто по той причине, что она в глубине души все-таки не переставала по-своему любить Достоевского, хотя эта любовь никогда не была такой страстной и исступленной, как с его стороны, но Мария Дмитриевна заметно охладела к Вергунову, и вопрос о браке с ним как-то вдруг отпал сам по себе.

И снова меняется тон и стиль ее писем к Достоевскому: это уже нежные письма любимой женщины к своему единст-

венному и верному избраннику. А Достоевский опять воспринул духом и снова поставил вопрос ребром о своем браке с Марией Дмитриевной. Он чувствует, что дальше такая неопределенность продолжаться не может. «Она по-прежнему все в моей жизни... Люблю ее до безумия,— пишет Достоевский Врангелю в ноябре 1856 года.— ...Разлука с ней свела бы меня в гроб или буквально довела бы меня до самоубийства... Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь».

В ноябре 1856 года Достоевский снова едет в Кузнецк, получает согласие Марии Дмитриевны выйти за него замуж и 6 февраля 1857 года ведет ее под венец. Достоевский безумно счастлив, не подозревая, конечно, какой тяжелый удар ждет его впереди. На обратном пути, когда молодожены остановились в Барнауле, у Достоевского от всех волнений и всего пережитого случился страшный эпилептический припадок. Потрясенная Мария Дмитриевна увидела, как ее муж вдруг с диким воем и помертвевшим лицом грохнулся на пол, стал биться в ужасных судорогах и потерял сознание.

Это произвело на Марию Дмитриевну гнетущее впечатление, которое еще более усилилось, когда она узнала от докторов, что это эпилепсия и любой припадок может быть смертельным. Она зарыдала и начала упрекать мужа за то, что он скрыл свою болезнь. Но Достоевский ничего не скрывал, он действительно думал, что это просто нервные припадки, а не эпилепсия,— во всяком случае так его раньше уверяли врачи.

Возможно, этот злосчастный эпизод и был той самой первой трещиной в отношениях между супружами, которая, все углубляясь и углубляясь, привела к тому, что семилетний брак Достоевского и Марии Дмитриевны не принес им счастья...

Как на каторге, так и в ссылке Достоевский полон литературных планов, но если на каторге он смог лишь в арестантской палате госпиталя, почти тайком, вести Сибирскую тетрадь (позже он назовет тексты этой тетради: «выражения», «записанные мною на месте»), то в ссылке все первые годы его целиком поглотила любовь к М. Д. Исаевой. За десять дней до свадьбы Достоевский отвечает Врангелю: «Вы пишете, что я ленюсь писать; нет, друг мой, но отношения с Марией Дмитриевной занимали всего меня в последние два года. По крайней мере, жил, хоть страдал, да жил!»

Но Достоевский не может жить без творчества, без литературы, не может не писать, и после каторги он не слом-

лен как художник, а, наоборот, еще больше верит в свое высокое писательское предназначение. «Более чем когда-нибудь знаю,— пишет Достоевский брату Михаилу 13 января 1856 года,— что я не даром вышел на эту дорогу и что не даром буду бременить собою землю. Я убежден, что у меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хорошее».

Но как начать печататься бывшему государственному преступнику? (Секретный полицейский надзор над Достоевским был снят только в 1875 году, хотя он уже пятнадцать лет был на свободе.) И Достоевский решил начать снова литературную деятельность с двух комических, внешне довольно безобидных, произведений — «Дядюшкин сон» (1859) и «Село Степанчиково и его обитатели» (1859).

В 1873 году в письме к М. П. Федорову, желавшему переделать для сцены повесть «Дядюшкин сон», Достоевский довольно сурово отозвался о своем произведении: «Пятнадцать лет я не перечитывал мою повесть «Дядюшкин сон». Теперь же, перечитав, нахожу ее плохой. Я написал ее тогда в Сибири, в первый раз после каторги, единственным с целью опять начать литературное поприще и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому невольно написал вещичку голубиного незлобия и замечательной невинности. Еще водевильчик из нее бы можно сделать, но для комедии — мало содержания, даже в фигуре князя — единственной серьезной фигуре во всей повести».

Достоевский не случайно отмечает «фигуру князя — единственную серьезную фигуру во всей повести». От него ведет свое начало другой «русский европеец» — Степан Трофимович Верховенский в романе «Бесы», тоже учившийся в Германии, следящий «за европейским просвещением» и презирающий Россию. Есть в «Дядюшкином сне» и формальные сюжетные линии, сходные с «Бесами» (например, идея «первой дамы в городе» Москалевой женить старика на своей дочери Зине напоминает решение Варвары Петровны Ставрогиной выдать свою воспитанницу Дашу за Степана Трофимовича, причем Зина и Даша любят другого, но не противятся желанию своих благодетельниц).

И все же значение «Дядюшкина сна» в духовной биографии писателя заключается не в «фигуре князя», а в образе Васи — жалкого романика, уездного учителя, «дурного и пустого человека». Последнее произведение Достоевского перед каторгой — «Маленький герой» — прощание с романтизмом молодости. Прошло девять лет. После ужасов каторги, когда писатель столкнулся со страшными преступниками, для которых не существовало такое понятие, как со-

весть, утверждение утопистов и романтиков-мечтателей о том, что человек добр по своей природе, показалось Достоевскому смехотворно-наивным, а сам поэт Вася — оторванный от жизни мечтатель — просто «дрянь-человек». За перерождением убеждений неизбежно пришла смена литературных кумиров. Каторга на всю жизнь «протрезвила» утописта-мечтателя, и на смену «шиллеровщине», Жорж Санд, Гюго, Гофману пришел беспощадный реализм, пришла жестокая русская действительность.

Это заметно и на резкой смене в ссылке читательских интересов Достоевского. Вместо художественной литературы он просит брата присыпать ему прежде всего и главным образом книги по истории, философии и религии, особенно отцов церкви. Писатель хочет подвести под свое новое религиозное мировоззрение научный фундамент, доказать, что Христос всегда с истиной.

Смена литературных кумиров и новое мироцелование особенно заметны во втором произведении ссыльного Достоевского — «Село Степанчиково и его обитатели», где он подводит итоги своей докторской писательской деятельности, прошедшей под влиянием Гоголя, и в образе Фомы Фомича Опискина пародирует «властителя дум» своей молодости. Возможно, Достоевский, спародировав в образе Фомы Опискина Гоголя как автора «Переписки с друзьями», никак не мог забыть, что именно за чтение этого произведения среди петрашевцев он больше всего и пострадал, а после ужасов каторги желание Гоголя своей проповедь спасти Россию, его мечты об аскетическом подвиге, о монашеской келье показались Достоевскому нелепыми...

Писатель продолжает упорную, титаническую борьбу за свое освобождение, за возвращение в Петербург, за полную амнистию: ведь полная свобода — это возвращение в литературу, а он чувствует в себе такой гигантский нерасализованный творческий потенциал, что даже сам поражается. Чтобы хоть как-то продвинуться по служебной лестнице и вырваться из ссылки, нужно доказать свои верноподданнические чувства. И Достоевский решил попробовать себя совсем в несвойственном ему жанре — он сочиняет три патриотические стихотворения: «На европейские события в 1854 году» (о конфликте между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, после того как Англия и Франция объявили России войну), «На первое июля 1855 года» (день рождения императрицы Александры Федоровны — вдовы Николая I, который умер 18 февраля 1855 года) и [«На коронацию и заключение мира»] (коронация нового императора Александра II).

Поэтом Достоевский оказался совершенно бездарным, и эти стихотворения производят довольно тяжелое впечатление: ясно, что это отчаянные попытки писателя вернуться в литературу, добиться полной свободы. Но все дело в том, что все эти три стихотворения абсолютно искренни. Достоевский, действительно, считал теперь преступным заблуждением свое участие в «дурковском» кружке, он осудил свой «бунт» и раскаялся в нем.

Достоевский добился своего. Правда, первое стихотворение, дошедшее в конце концов до начальника III Отделения Л. В. Дубельта, не возымело никаких действий, зато второе стихотворение, которое переслал военному министру командир Отдельного Сибирского корпуса генерал Г. Х. Гасфорд, имело самые благоприятные последствия. В апреле 1857 года ему было возвращено дворянство — «полное прощение вины моей», как он считал. (Разумеется, во всем этом, как и в дальнейших благоприятных поворотах судьбы писателя, «повинны» не только его благонамеренные стихотворения — это была общая политика амнистии нового императора Александра II по отношению к политическим заключенным и ссылочным прежнего царствования.)

Но Достоевский хочет уйти в отставку: совмещать военную службу и литературу невозможно, а литература — его судьба, его жизнь. Отставка дает ему надежду скорее вернуться в Петербург. Благодаря хлопотам А. Е. Врангеля, который в феврале 1856 года вернулся в Петербург после службы в Семипалатинске, прошение Достоевского о возвращении из ссылки и разрешении печататься под своим именем передал царю герой Крымской войны Э. И. Тотлебен, старший брат товарища Достоевского по Инженерному училищу.

В марте 1859 года Достоевскому было разрешено оставить военную службу по болезни с «награждением следующим чином» подпоручика, с правом жить в Твери и «воспрещением въезда в Петербургскую и Московскую губернии». Тогда же он получил разрешение печататься на общих основаниях. «Благодарю Вас еще 100 раз за все Ваши старания обо мне,— писал Достоевский Вранглю.— Поблагодарите обоих Тотлебенов. Вы не можете представить себе, с каким восторгом я гляжу на поведение таких душ, как Вы и они оба, относительно меня! Что я Вам сделал, что Вы меня так любите? Что я им сделал, благородным душам?»

2 июля 1859 года Достоевский и М. Д. Исаева выехали из Семипалатинска в Тверь. В письме к своему ротному

командиру А. Гейбовичу Достоевский описывал свое путешествие после того, как они взяли в Омске из корпуса Пашу Исаева: «В дороге со мною было два припадка... Погода стояла ~~преблагодатная~~, почти все время путешествия тарантас не ломался (ни разу!), в лошадях задержки не было... Великолепные леса пермские, а потом вятские — совершенство... В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрели, наконец, на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб с надписями и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, господь увидеть «обетованную землю».

В Казани задержались на десять дней — Достоевский ждал денег от брата; в Нижнем побывали на ярмарке; во Владимире — встреча с бригадным генералом М. М. Хоментовским; затем Достоевский заезжал в Сергиев монастырь, чтобы возобновить свои детские и юношеские впечатления: «23 года я в нем не был. Что за архитектура, какие памятники, византийские залы, церкви! Ризница привела нас в изумление».

В августе (около 19-го) 1859 года Достоевский, М. Д. Исаева и Паша Исаев приехали в Тверь. Наконец-то он увидит брата. Михаил Михайлович Достоевский приехал 28 августа: «То-то была радость... Много переговорили. Да что! не расскажешь таких минут. Прожил он у меня дней пять».

Но писатель страстно рвется в Петербург — может быть, именно поэтому он пишет брату, что «Тверь — самый ненавистнейший город на свете». И, может быть, поэтому губернский город, где происходит действие романа «Бесы», так напоминает Тверь, но здесь были и пушкинские ассоциации. Один из эпиграфов к роману «Бесы» — пушкинские стихи «В поле бес нас водит, видно...» могли Достоевскому живо напомнить Тверь: ведь он поселился в этом городе в том же доме — гостинице Гальяни, где жил и Пушкин, обессмертив этот дом в стихах:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазоном макарони
Да яичницу свари...

Эти стихи впервые увидели свет в 1857 году в «Современнике», и Достоевский их, конечно, знал, как и знал, что здесь жил Пушкин. Об этом вспоминал врач С. Д. Яновский, навестивший в Твери Достоевского.

Истосковавшись по настоящей творческой работе, Дос-

тоевский начинает писать новый роман с «идеей» («Записки из Мертвого дома»), делает наброски к роману «со страстным элементом» («Униженные и оскорбленные»), хочет переделать раннюю повесть «Двойник», подготавливает к выпуску двухтомное собрание своих сочинений, брату советует издавать журнал. И вообще он полон самых разнообразных литературных проектов, начинаний, идей, но самое сокровенное его желание — вернуться как можно скорее в Петербург.

Неожиданно пришла помощь от местного губернатора П. Т. Баранова и особенно от его жены графини Анны Васильевны (урожденной Васильчиковой), с которой Достоевский познакомился еще в молодости у ее двоюродного брата В. А. Соллогуба. «Графиня прекрасная женщина,— писал Достоевский 4 октября 1859 года Врангелью.—...Она мне и тогда очень понравилась».

Пользуясь большими связями при царском дворе, П. Т. Баранов пересыпает прошение писателя на высочайшее имя своему родственнику графу В. Ф. Адлербергу для личной передачи Александру II. Одновременно Достоевский пишет письма Врангелью, Э. И. Тотлебену, шефу жандармов князю В. А. Долгорукому.

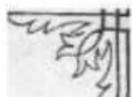
Наконец разрешение жить в столице было получено, и в декабре (после 16-го) 1859 года, ровно через десять лет, Достоевский вернулся в город, с которым у него было связано два самых важных события в жизни: «самая восхитительная минута», когда он стал писателем и Белинский благословил его в литературу, и минута смерти — эшафот

Но после принудительной каторги и солдатчины неизбежно должна была начаться «живая жизнь».

Глава шестая

“ЖИВАЯ ЖИЗНЬ”

Бывший каторжник и петрашевец пользуется большим успехом на публичных чтениях и студенческих вечерах. Чтение Достоевским «Записок из Мертвого дома» еще больше укрепляет его ореол мученика — жертвы царизма в глазах радикально настроенной молодежи 60-х годов.

21 ноября 1860 года в Петербурге, в зале Пассажа, состоялся вечер Литературного фонда (общественной органи-

стоятельность ни стоила и к чему бы ни привела». Свободный акт человека коренится не в разуме, а в его воле, которая по своей природе иррациональна, в «живой жизни».

Главное для человека — «живая жизнь». Достоевский вспоминает это выражение из трагедии Ф. Шиллера «Мессинская невеста» (1803), которого в 40-е годы так блестяще переводил его брат Михаил Михайлович Достоевский.

Отныне это выражение «живая жизнь», ставшее для Достоевского символом свободной человеческой воли и достоинства человека как свободного в своем волеизъявлении существа, пройдет через все последующее творчество писателя. Но живой жизнью была и сама биография писателя в это время.

За два года работы в журнале «Время» Достоевский, по собственному признанию, написал до ста печатных листов. Записная книжка 1862—1863 годов наглядно свидетельствует, какой неимоверной ценой давалось это огромное напряжение: «Припадки падучей: 1 апреля — сильный; 1 августа — слабый; 7 ноября — средний; 7 января — сильный; 2 марта — средний».

Но не меньшего напряжения требовала и личная жизнь писателя. Мария Дмитриевна не выдержала холодного и гнилого климата столицы и вынуждена была вернуться в Тверь. С этого момента их совместная жизнь нарушилась, они лишь изредка имеют подобие общего дома, а чаще всего проживают на разных квартирах, в разных городах. 7 июня 1862 года, когда Достоевский впервые уезжает за границу, он едет один. Мария Дмитриевна находит предлог, чтобы остаться в Петербурге: нужно помочь сыну в подготовке к гимназическому экзамену (Паша Исаев оказался неуспевающим учеником). Но это был только предлог, возможно, для соблюдения приличий. У Достоевского была его собственная жизнь, к которой Мария Дмитриевна не имела никакого отношения. Она чахла и умирала. Он встречался с людьми, издавал и редактировал журналы «Время» и «Эпоха», а главное, писал и писал.

За границу летом 1862 года Достоевский ехал с явным чувством радости и свободы. Впервые за долгое время веселые, даже шутливые ноты звучат в его письмах к близким людям. «Ах, кабы нам вместе,— пишет он Страхову.— Увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго пригласим молодую венецианку в гондоле (А? Николай Николаевич?). Но... ничего, ничего, молчание, как говорит в этом же самом случае Поприщин».

Достоевский побывал в Берлине, Лондоне, где не по-

торым крайним обстоятельствам другие причины так настоятельны, что оставаться во Владимире никак нельзя».

Достоевский считал своим долгом облегчить жене последние месяцы ее жизни, а сделать это было, конечно, гораздо легче в Москве, чем в незнакомом провинциальном городе.

В начале ноября 1863 года супруги обосновались в Москве. Достоевский почти все дни и ночи проводил за письменным столом: он думал над «Игроком» и писал статьи для журнала «Эпоха». Но работалось тяжело. Умирающая Мария Дмитриевна, становясь все более раздражительной, требовала неотступного внимания. Она не могла выносить никого, даже сына, приехавшего из Петербурга навестить ее. Достоевский ясно сознавал, что конец близок. «Жаль мне ее ужасно,— пишет он брату в январе 1864 года,— у Марии Дмитриевны поминутно смерть на уме, грустит и приходит в отчаяние. Такие минуты очень тяжелы для нее. Нервы ее раздражены в высшей степени. Грудь плоха, и иссохла она, как спичка. Ужас! Больно и тяжело смотреть!»

Мария Дмитриевна умирала мучительно и трудно: ее страдания и настроения, вероятно, припомнились Достоевскому, когда он описывал умирающую от чахотки супругу Мармеладова в «Преступлении и наказании» или агонию Ипполита в «Идиоте».

14 апреля 1864 года с Марией Дмитриевной сделался припадок, кровь хлынула горлом и начала заливать грудь. На другой день к вечеру она умерла — умерла тихо, при полной памяти, и всех благословила. «Она столько выстраивала, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней». Эти слова из письма Достоевского были обращены к брату Михаилу, которого Мария Дмитриевна всегда считала ее «тайным врагом», а он, в свою очередь, тоже не любил ее и был уверен, что она загубила жизнь его гениального брата.

Образ Марии Дмитриевны можно найти во многих произведениях Достоевского: Наташа в «Униженных и оскорбленных», супруга Мармеладова в «Преступлении и наказании», в какой-то мерс Настасья Филипповна в «Идиоте» и Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых». Все эти лихорадочные, бледные и порывистые женщины навеяны первой большой любовью писателя — Марией Дмитриевной Исаевой.

Через год после смерти жены Достоевский писал семипалатинскому другу А. Е. Врангелю — единственному свидетелю их любви: «О, друг мой, она любила меня беспреп-

жена моя умерла... Помяните ее хорошим добрым воспоминанием... Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается».

Это признание тем более поразительное, если учесть, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны Достоевский любил другую женщину...

После одного из литературных чтений к писателю подошла стройная молодая, очень женственная девушка, с большими серо-голубыми глазами, с красивыми чертами умного, волевого лица, с гордо закинутой головой, обрамленной прекрасными рыжеватыми косами.

Девушку звали Аполлинария Прокофьевна Суслова. Отцом ее был крепостной крестьянин Прокофий Суслов, который еще до отмены крепостного права откупился у своего помещика и поселился в Петербурге, чтобы дать своим двум дочерям высшее образование. Старшая дочь, Аполлинария, слушает в Петербургском университете лекции знаменитых профессоров, а младшая — Надежда — через несколько лет прославит свое имя как замечательный медик.

К моменту знакомства с писателем Аполлинарии Сусловой был двадцать один год. Дочь писателя утверждает, что она написала осенью 1861 года Достоевскому «объяснение в любви»⁶⁴. И хотя такое письмо не сохранилось, можно предположить, что Достоевский, действительно, его получил. Такое признание было в духе эпохи, а сделать самой первый шаг — это как раз в духе Аполлинарии Сусловой. Во всяком случае Достоевский пошел навстречу этому горячему молодому чувству, ответил ей, и они встретились. Писатель страстно влюбился в свою молодую сотрудницу — в сентябре 1861 года в журнале братьев Достоевских «Время» появился первый рассказ Аполлинарии Сусловой «Покуда». Он был слабоват в художественном отношении, но привлек внимание редактора Федора Достоевского своей чистотой и даже по-детски наивной верой в возрождение освобожденной от «духовного крепостничества» женщины. (Через несколько лет аналогичная ситуация повторится с рассказом А. В. Корвин-Круковской «Сон» и знакомством с ней Достоевского на литературной почве).

Аполлинария ответила взаимностью на пылкую любовь писателя. Эманципация женщины, понимаемая в духе вре-

но дерзким лицом». Но он ее скоро бросает, для него это было лишь мимолетное развлечение. Повторяется ситуация первой большой любви Достоевского, когда Мария Дмитриевна в Кузнецке предпочла ему молодого и красивого учителя Вергунова. Снова претворяется в жизнь сюжет «Униженных и оскорбленных», и Достоевский, как и герой этого романа Иван Петрович, утешающий Наташу, уже становится другом и братом Аполлинарии и по-братьски успокаивает и утешает ее, пытаясь уладить ее сердечные дела.

Из Парижа Достоевский и Аполлинария уезжают в Баден-Баден, и их заграничное путешествие предваряет драматическую ситуацию «Игрока». Об их новых отношениях, когда Аполлинария ведет любовную дуэль рассчитанно и коварно и ее любовь постепенно превращается в ненависть, можно судить по ее дневнику⁶⁶.

Но даже если допустить эмоционально преувеличенный характер ее дневниковых записей, мы все равно не можем проникнуть в последнюю тайну этой любви-ненависти Достоевского и Сусловой, как не можем проникнуть в тайну несчастного брака Достоевского и Марии Дмитриевны. Мы можем сделать лишь несколько попыток.

Не повторяя уже сказанного, добавим, что их вражда могла питаться и несомненно питалась глубокими идеальными расхождениями между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после каторги и ссылки, и страстью нигилисткой Сусловой, неистово отрицавшей весь «старый мир» и даже готовой примкнуть к антиправительственному террору.

Обратим внимание на то, что «антидостоевские» дневниковые записи сделаны Аполлинарией в то время, когда Достоевский продолжал ее страстно любить, о чем она прекрасно знала. Мало того, эти записи сделаны после 15 апреля 1864 года, когда умерла Мария Дмитриевна и Достоевский уже делал Аполлинарии предложение стать его женой: иначе он и не мыслил себе отношения с любимой женщиной. Он простил ей Сальвадора и готов был простить кого угодно, так как любил ее.

Но на неоднократные предложения стать его женой Суслова каждый раз отвечала отказом. Аполлинарии нравилось мучить его, ибо она знала, «какой он великодушный, благородный! какой [у него] ум! какое сердце!», как записала она в том же дневнике о Достоевском⁶⁷.

Думается, в том, что любовь превратилась в ненависть, виновата прежде всего и главным образом Аполлинария. В натуре ее сидел изначально какой-то бес мучительства, и она это отлично сознавала, когда делала, например, та-

реписка еще продолжалась почти год, и каждый раз письма Сусловой приводили Достоевского в волнение. Но писатель оказался пророком: Аполлинария, действительно, «вечно была несчастна» и никогда не нашла себе «друга и счастья».

А. П. Суслова умерла в Севастополе, одинокой, в семидесятивосьмилетнем возрасте в 1918 году, так и не создав семьи и не имея детей. Судьбе было угодно сложиться так, что в том же году и тоже в Крыму скончалась женщина, которой суждено было стать последней любовью Достоевского.

А. П. Суслова оставила значительный след в творчестве Достоевского. От нее берут свое начало «инфериальные» образы женщин у писателя (Настасья Филипповна в «Идиоте», Грушенька в «Братьях Карамазовых» и т. д.), а историю своей «роковой» любви Достоевский рассказал в романе «Игрок».

Исследуя историю второй большой любви писателя, не следует никогда забывать слова самого Достоевского, в передаче Врангеля, сказанные им, скорее всего, о своем несчастном браке с Исаевой (Врангель не знал о любви писателя к Сусловой), но имеющие явно отношение и к Сусловой, тем более что слова эти относятся к 1865 году: «Будем всегда благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина»⁶⁹.

Вторая большая любовь писателя не мешала его напряженной работе в журнале «Время». В 1863 году вспыхивает польское восстание против самодержавия. В апрельской книге «Времени» Н. Н. Страхов печатает статью «Роковой вопрос», в которой доказывает, что бороться с поляками внешними силами недостаточно: победа над ними должна быть морально оправдана. И хотя статья была вполне патриотической и благопристойной, но ее тема оказалась недозволенной, и журнал «Время» был закрыт.

Наступает трагический для Достоевского 1864 год. С большим опозданием приходит разрешение на издание нового журнала «Эпоха». Однако подписка срывается, так как объявление о новом периодическом органе появляется в петербургской печати только 31 января 1864 года, а сам январский номер выходит только в марте, причем приводит братьев Достоевских в отчаяние своим ужасным внешним видом. Но главное, нет наличных денег — нечем платить типографии, сотрудникам, авторам: приходится все делать в кредит. Напрягая последние силы, в каком-то лихорадочном возбуждении, Федор Михайлович и Михаил Михайлович Достоевские продолжают выпускать «Эпоху».